

Р. Баландин

ЛОМОНОСОВ

РУССКИЙ ЛЕОНАРДО

Рудольф Константинович Баландин Ломоносов. Русский Леонардо

Серия «Великие исторические персоны»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654696

*Рудольф Константинович Баландин – Ломоносов. Русский Леонардо:
Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8756-3*

Аннотация

Может ли быть неизвестным, загадочным прославленный и признанный национальным гением Михаил Васильевич Ломоносов? Ему посвящено более десятка книг и сотни статей. Казалось бы, он-то известен и восхвален в полной мере. Принято считать Михаила Васильевича гением, возвышающимся над своим окружением и своей эпохой. Словно он возник, подобно высочайшей горе на ровном месте, силою каких-то таинственных глубинных явлений, игрою случая и сочетания врожденных необычайных качеств. Но, как известно, самые высокие горы находятся не на равнинах, а в крупнейших горных странах; крупные самородки встречаются в золотоносных россыпях. В этой книге Ломоносов показан в контексте русской и мировой истории.

Содержание

Введение. Загадочный Ломоносов	5
1	5
2	8
3	11
4	14
5	17
Глава 1. Гений из русской глубинки	19
Родом из Гипербореи	19
Эпоха и личность	32
Предтеча-философ	44
Детство помора	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Рудольф Константинович
Баландин
Ломоносов.
Русский Леонардо**

© Баландин Р.К., 2013

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2016

Введение. Загадочный Ломоносов

*Он мыслил небом, думал облаками,
Он глиной плотствовал, растеньем рос,
Камнями костенел, зверел страстями,
Он видел солнцем, грезил сны луной...
И было все — вверху, как и внизу —
Исполнено высоких соответствий.*

Максимилиан Волошин

1

Может ли быть неизвестным, загадочным прославленный и признанный национальным гением Михаил Васильевич Ломоносов? Ему посвящено более десятка книг и сотни статей. Казалось бы, он-то известен и восхвален в полной мере.

С такими мыслями четыре десятилетия назад начал я читать книгу «М. Ломоносов. О слоях земных и другие работы по геологии» (1949). И с каждой страницей убеждался: не преувеличивал наш выдающийся ученый, историк науки и мыслитель Владимир Иванович Вернадский, когда писал в 1911 году, что лишь спустя 200 лет после рождения Ломоносова стал вырисовываться во всей грандиозности его облик «не только великого русского ученого, но и одного из пере-

довых творцов человеческой мысли».

Однако и Вернадский, и все, кто писал о Ломоносове, в перечне его достижений не упомянули некоторые значительные открытия: теоретическое предсказание Антарктиды, идею морозной оболочки планеты (криосферы), предложенные методы определения возраста Земли...

Почему с таким огромным опозданием приходит понимание его провидений? Что это был за человек, сумевший преодолеть каноны своего времени и заглянуть далеко в будущее? Неужели на такое способен «простой архангельский мужик»? Чем объяснить его необычайные дарования и способность проникать мыслью в Неведомое?

Во многих областях познания проявился его творческий гений. Разнообразие его научных интересов необычайно: химия, физика, физическая химия, астрономия, география, физическая и экономическая (его открытие), минералогия, горное дело; история, демография, грамматика, поэтика, языкознание, риторика.

При жизни был знаменит как поэт, драматург, просветитель. Теперь стало ясно: он был одним из наиболее образованных людей и крупнейшим естествоиспытателем XVIII века.

Принято считать, что в тот век величайшим гением был Исаак Ньютон. Под стать ему менее прославленный Роберт Гук, соавтор закона всемирного тяготения, проявивший свои таланты в механике, физике, биологии, геологии.

Ньютон признан великим натуралистом. Но следует уточнить: в области так называемых точных наук – физики, математики, астрономии. Его теологические труды не оригинальны, алхимические упражнения были бесплодными, а земная природа и гуманитарные знания остались вне его творчества...

Кто-то усмехнется: вот, мол, проявление квасного патриотизма. Как можно сопоставлять всемирно признанного гения Ньютона с известным только у себя на родине Ломоносовым?! Это же разные научные величины!

Англичане постарались, чтобы имя их знаменитого ученого вошло в историю человечества. Этому благоприятствовало то, что тогда физика, механика, математика стали активно содействовать прогрессу техники, промышленности. Познание земной природы отошло на второй план.

Ньютон провел множество математических расчетов, доказав закон всемирного тяготения; усовершенствовал телескоп. А первым открыл атмосферу на Венере Ломоносов, которого интересовала не механическая система движения небесных тел, а живая жизнь природы.

Сами по себе энциклопедические знания могут свидетельствовать о хорошей памяти, бессистемной любознательности, поверхностных знаниях и отсутствии значительных достижений хотя бы в одной сфере деятельности. Понемногу знать о многом – вот и все.

«Многознание уму не научает», – говаривали в Античности. Много позже английский историк и философ Генри Томас Бокль отметил: «Мы часто встречаем людей, ученость которых служит орудием их невежеству, – людей, которые чем больше читают, тем меньше знают».

Энциклопедизм Ломоносова – редчайшее исключение. Чем бы он ни занимался – успехи его были выдающимися. Есть, конечно, исключения, но их немного.

По словам академика С.И. Вавилова, «М.В. Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в истории культуры всего человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гёте были более специальными и узки. Замечательно при этом, что ни одно дело, начатое М.В. Ломоносовым, будь то физико-химические исследования, трагедия и оды, составление грамматики и русской истории, организация и управление фабрикой, географические проекты, политико-экономические вопросы, не делалось им против воли или даже безразлично».

Как поэт Ломоносов ощущал цельность, гармонию и величие Природы, умел выразить подобные чувства. Он обладал способностью, говоря словами поэта, художника и мыслителя Уильяма Блейка:

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир – в зерне песка,
В единой горсти – бесконечность
И небо – в чашечке цветка.

Единство чувств, мыслей и слова по отношению к Природе – такова философия естествознания, по Ломоносову. Она воплощалась в конкретные научные открытия. Некоторые из них были осмыслены лишь через много десятилетий.

Славе Ломоносова немало помешала... необычайная мощь его гения. Большинство его открытий, как говорится, «опережали время». Скажем, закон постоянства массы (вещества) он сформулировал и доказал, проводя опыты, в 1760 году, о чем написал Эйлеру, сделал сообщение на торжественном заседании Императорской Академии наук, опубликовав статью. Антуан Лоран Лавуазье сделал то же открытие, названное его именем, через 29 лет.

Ломоносов был мудрым, увлеченным, честным читателем и толкователем Евангелия от Природы – окружающего и пронизывающего нас мира. Он воспринимал эту великую Книгу как единственно бесспорное, истинное откровение Божественного Разума.

Поэтический восторг, религиозное созерцание, философские умозрения, логика здравого смысла, эмпирическое знание, стремление принести пользу и славу своему народу, Отечеству – все это сплавлялось в нем воедино для познания сокровенной правды Природы.

Не мудрствуя лукаво, он полагал: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдают этим свое невежество, либо намеренно, но худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют».

Он обладал необычайной ясностью мысли и высокой культурой мышления.

Перевод античного стихотворения
(подражание Анакреонту):

Мне девушки сказали:
«Ты дожил старых лет», —
И зеркало мне дали:
«Смотри, ты лыс и сед».

Я не тужу нимало,
Еще ль мой волос цел,
Иль темя гладко стало,
И весь я побелел.

Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Когда это написал Михаил Ломоносов, подобные стихи – пушкинской легкости и простоты – на русском языке еще не появлялись. К тому времени Ломоносов действительно отчасти полысел и поседел. Этим ничуть не печалился. Правда, весельчаком его вряд ли можно назвать. Но на слово был остер. Его эпиграмма на ханжу:

Мышь некогда, любя святыню,
Оставила прелестный мир.
Ушла в глубокую пустыню,
Заевшись вся в голландский сыр.

Как лирик он не снискал себе славы. Его считают ярким представителем высокопарного стиля од. Хотя некоторые его строки не лишены изысков, причудливой и отчасти нарочитой словозвуковой вязи:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят,
О грады, где торги, где мозгокружны браги,
И деньги, и гостей, и годы их губят...

...Там мир в полях и над водами,
Там вихрей нет, ни шумных бурь;
Над бисерными облаками
Сияет золото и лазурь.

Привожу эти стихи, чтобы показать: тот, кого мы чтим как великого ученого, был человеком необычайным. Не знаю, кто еще на свете мог бы сравниться с ним по разнообразию талантов. Александр Сергеевич Пушкин сказал о нем: «Он... сам был первым нашим университетом».

Кто-то, возможно, поморщится. Ну и что? Именем его называли МГУ. Воздали должное. Многосерийный телефильм вышел: «Михайло Ломоносов». Со школьной скамьи все

уши прожужжали: Ломоносов, Ломоносов! Да ведь родился он 300 лет назад. С той поры все изменилось радикально: наука, и техника, и мир вокруг, и люди. Какой смысл теперь толковать о нем?

Кое-кто вспомнит: в сталинские времена поощряли русский национализм, восхваляли русских полководцев, писателей, изобретателей, ученых. И с Ломоносовым носились как с писаной торбой. А что им такого особенного создано? В Академии наук пьяные дебоши учинял, немецких специалистов бил. Благо, здоров был, как медведь. Слава-то у него сталинской пропагандой раздутая!

Подобные мнения приходится слышать нередко. Но – от людей, знающих о жизни и трудах Ломоносова понаслышке и не в контексте истории науки. Современники не смогли понять и оценить многие его достижения. До сих пор он остается едва ли не самым загадочным гением.

Ему удавалось предвидеть то, что откроют другие через десятки, а то и через две сотни лет. Откуда у него, выходца из российской глубинки, такая интеллектуальная мощь?

...В наше трудное время Ломоносов напоминает жителям России, что означает в действительности наша Родина, каков колоссальный творческий, интеллектуальный потенциал хранит русский народ.

Жизни и творчеству Михаила Васильевича посвящена, из последних, основательная книга Евгения Лебедева «Ломоносов» (М., 1990). С ней рекомендую ознакомиться тем, кто хотел бы знать больше о предках, событиях жизни, литературном творчестве нашего великого соотечественника. Но одно хочу сразу отметить.

«Приходится с сожалением констатировать, – пишет Е.Н. Лебедев, – что нынешнему поколению Ломоносов почти неизвестен. Он даже не прочитан как следует... Что же касается естествоиспытателей, то иные из них, читая Ломоносова, не могут преодолеть в себе отрицательных эмоций, связанных с самим этим именем, памятуя о том времени, когда палачи науки громили им „космополитов“, забывая о том, что Ломоносов не может отвечать за это».

Таково прискорбное наследие периода «перестройки» и «реформ», политическая установка. Кто эти громилы, колоотившие космополитов Ломоносовым, как дубиной? Мне таковые неизвестны. И когда они злодействовали? Загадка.

В середине прошлого века было издано несколько серьезных исследований на данную тему. Из них наиболее «идеологична» небольшая книжка Г. Васецкого «М.В. Ломоносов. Его философские и социально-политические взгляды» (1940). Но в ней нет нападок на космополитов. То же

относится к статье академика С.И. Вавилова в послевоенном выпуске журнала «Большевик».

Г. Васецкий в 1950 году писал: «Лучшие традиции разностороннего творчества Ломоносова и сейчас служат советскому народу, его интеллигенции в борьбе за дальнейшее развитие советской науки и культуры, против врагов нашего народа и врагов всего прогрессивного человечества». Неужели такие высказывания (ничего более «погромного» я не встретил) вызывают «отрицательные эмоции» у иных деятелей наук и искусств?

Эти самые «безродные космополиты», как их некогда величали, «низкопоклонники перед Западом» и «внутренние эмигранты» в наше время стали у нас определять трансформацию национальной культуры, включая, конечно, науку. Результаты очевидны.

Определенный контингент наших сограждан с насмешкой отзывается о Ломоносове не из-за надуманных погромов науки, а не желая признавать приоритеты русских ученых, русской науки.

При советской власти объемистую книгу Е.Н. Лебедева издали тиражом 150 000 экземпляров. Будет ли что-нибудь подобное в наше время с книгой о Ломоносове или о любом другом нашем великом мыслителе? Только в нынешний, юбилейный, год о нем вспомнили...

В данной работе значительное внимание уделено «неизвестному Ломоносову», его прозрениям (некоторые из них

до сих пор не оценены по достоинству). Хотелось бы понять определяющие черты личности этого человека и обстоятельства, которые содействовали ее становлению.

Появилась даже версия: Михаил Ломоносов был «незаконным» сыном императора Петра I, чем и объясняется его необычайная судьба. Как бы мог сын крестьянина с окраины России получить высшее образование в феодальном государстве, общаться с вельможами, стать дворянином и академиком!

Вот уж поистине неизвестный Ломоносов даже по обстоятельствам своего появления на свет.

Ломоносов олицетворяет одну из решающих эпох в жизни России. Он был не только порождением своего общества и времени, но и во многом определил дальнейший путь развития русской культуры.

До него ее основой была религия (наследие Средневековья). Его творчество привнесло в русскую мысль важнейшие для Нового времени научные и философские идеи, теории, учения.

По словам Вернадского, «Ломоносов был плоть от плоти русского общества; его творческая мысль протекала – сознательно и бессознательно – бесчисленными путями в современную ему русскую жизнь». И еще: «Стремясь к истине, он в то же время верил в гуманитарное, человеческое ее значение. Полный жизни и энергии, он сейчас же стремился воплотить эту свою веру в жизнь».

Принято считать Михаила Васильевича гением, возвышающимся над своим окружением и своей эпохой. Словно он возник, подобно высочайшей горе на ровном месте, силою каких-то таинственных глубинных явлений, игрою случая и сочетания врожденных необычайных качеств.

Но, как известно, самые высокие горы находятся не на равнинах, а в крупнейших горных странах; крупные самородки встречаются в золотоносных россыпях. В этой книге

Ломоносов показан в контексте русской и мировой истории.

Глава 1. Гений из русской глубинки

Если присмотреться, то окажется, что наибольшая часть жизни многих растрачивается на дурные дела, немалая часть – на безделье, а вся жизнь в целом – вообще не на то, что нужно.

Луций Аней Сенека, I век

Родом из Гипербореи

За последнее время появилось немало публикаций о загадочной Гиперборее – стране на краю света. Ссылаются при этом на сообщение Геродота, жившего два с половиной тысячелетия назад, и более поздних античных авторов.

Плиний Старший, римский ученый I века, писал: «Солнце светит там в течение полугода. И это только один день... Домами для этих жителей являются рощи, леса; там неизвестны раздоры и всякие болезни. Смерть приходит только от пресыщения жизнью. Нельзя сомневаться в существовании этого народа».

Подобные высказывания вдохновляют некоторых поборников идеи о глубочайшей древности русского народа. Говорят, будто где-то далеко на Севере находилась в доисторические времена великая цивилизация, подобие Заполярной Атлантиды. Если так, то феномен Ломоносова объясним: по-

томок гиперборейцев проявил свои необычайные врожденные способности.

«Доктор философских наук Валерий Демин, – пишет журналистка Н. Лескова, – посвятил много лет доказательству того, что наши предки жили на Земле уже 20 тысяч лет назад. По его мнению, это была уникальная цивилизация, которая владела знаниями в области высоких технологий и даже строила самолеты, при помощи которых, используя аэрофотосъемку, была создана, например, карта Антарктиды».

Такие вот нынче исторические и географические новости. С этих позиций можно предположить, что Михаил Ломоносов знал об Антарктиде из каких-то сокровенных гиперборейских источников... Короче говоря, открывается обширное поле для фантастических версий.

Однако еще две тысячи лет назад римский географ Страбон советовал не доверять пишущим о том, что сами не видели, пересказывая слухи: «Незнакомство с этими странами заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические „Рипейские горы“ и „гиперборейцев“». Он имел в виду авторов, сочинявших небылицы о племенах, живших севернее Балкан, Северного Причерноморья и Прикаспия.

...О происхождении северных славян, россов, оставил интересное, не утратившее своего значения исследование М.В. Ломоносов. О гиперборейцах он даже не упомянул, хотя был хорошо знаком с географическими сочинениями Античности. Но в массовой печати, по телевидению о его работах не

вспоминают, а гиперборейцев упорно рекламируют.

Из этого следует неутешительный вывод о состоянии общественного сознания тех современных «россиян», которые предпочитают гордиться не реальными великими свершениями России-СССР, а своими мифическими предками.

Сведения о природе далеких северных стран географы Античности узнали после плавания Пифея (около 2,6 тысячелетия назад) в Северное море и, возможно, к Шетландским островам или к берегам Норвегии. Правда, Страбон считал его отменным лжецом, но именно Пифей писал о том, что на Севере солнце заходит летом всего на 2–3 часа.

Жителям Средиземноморья казалось, что нормальная человеческая жизнь невозможна там, где бывает снежная морозная зима. Вот и возникли легенды о гиперборейцах, которых обычно считали дикарями. Разве может нормальный цивилизованный человек жить в подобных условиях?

Нет, не выдуманная, а реальная русская Гиперборея стала родиной одного из титанов эпохи Просвещения – Михаила Васильевича Ломоносова.

Правда, европейцы еще до XVIII века убедились, что и в северных приморских землях обитают нормальные люди, а не троглодиты. Южане считали их варварами, сильными, храбрыми и выносливыми, хорошими воинами и работниками, но только не мыслителями.

По мере распространения в Европе городов, монастырей, университетов, они становились центрами духовной культу-

ры. В крупных городах – лучшие учебные заведения и преподаватели, библиотеки, музеи, академии. Здесь, при дворах вельмож и правителей, богатых меценатов, собираются известные поэты, философы, художники, инженеры. Не здесь ли наиболее благоприятные условия для появления крупных мыслителей, ученых, деятелей культуры?

Да, на некотором этапе обучения или первых самостоятельных работ полезно находиться в культурном центре. Но в детстве и юности самое главное, чтобы в человеке не угасала любознательность. Когда легко удовлетворяется эта потребность, ребенок может утратить первые порывы. А тот, кому приходится преодолевать препятствия на путях познания, порой достигает выдающихся успехов.

Так было с Михаилом Ломоносовым.

Его родина, Северная Русь, издавна давала приют людям смелым, смышленным, вольнолюбивым. Здесь не было крепостного рабства и ордынского ига. Местные жители занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством, торговлей. Поморы были отличными мореходами.

Разнообразие занятий и промыслов при относительной свободе (абсолютная бывает лишь при изоляции от всех других людей) расширяло кругозор поморов. Однако выбрать себе занятие по душевной склонности было трудно. Приходилось с детства приобщаться к делам родителей.

Обычно считается, что в эти края бежали от гнета бояр и помещиков крепостные крестьяне. Вряд ли таких беглых лю-

дей было здесь много. Они предпочитали южную часть России. Не случайно именно там вспыхивали наиболее мощные бунты.

На Севере, как говорится, не забалуешь. Тут надо умело и напряженно вести хозяйство, действовать сообща, помогая друг другу, в общине. Чужака тут так просто не примут. Не случайно на Русском Севере оставалось много раскольников, староверов. Здесь жизнь была устойчивой и отчасти архаичной, по традициям Средневековья, которое в России сохранялось дольше, чем в странах Западной Европы.

Осваивали Русский Север главным образом жители вольного Великого Новгорода – крупнейшего торгового, промышленного и культурного центра Северо-Западной Руси. Происходило это с X-XI веков. Продвигались почти исключительно по рекам, озерам, а затем вдоль берегов Белого и Студеного (Баренцева) моря. Со временем на этих путях устраивали сначала временные, затем постоянные поселения.

На ладьях-ушкуях отважные первопроходцы выходили в Студеное море. Одни направлялись на запад, доходя до острова Груманта (Шпицберген). Нельзя считать это «окном в Европу». На северной окраине Скандинавского полуострова находились только редкие небогатые поселения норвежцев.

Ушкуйники совершали походы на восток до Новой Земли и даже дальше. Но это были либо промысловики, либо дружины, собиравшие дань с коренных жителей северо-во-

сточной окраины Европы. «Вольные люди» обычно селились в некотором отдалении от моря, где могли заниматься сельским хозяйством, охотой, рыболовством.

Одними из наиболее привлекательных в этом отношении были земли в низовьях полноводной Северной Двины, в частности район Холмогор. Суровая и величественная северная природа, разные виды хозяйственной деятельности, опасные выходы на промысел в Студеное море формировали особую разновидность северных славян, крепких телом и духом, имевших широкий кругозор.

...К сожалению, в подобных общих рассуждениях невольно начинаешь подгонять факты, идеи под готовый ответ. Можно подумать, будто едва ли не каждый помор обладал достоинствами Михаила Ломоносова. Нет, конечно. И все-таки не случайно его родиной был этот край с непростой историей и своеобразными жителями.

На Балтийском море славяне, в том числе и новгородцы, хозяйничали уже давно. «В XI веке, когда могущество викингов клонилось к закату, – писал польский историк Яцек Маховский, – их место на Балтике заняли предприимчивые ругийские, поморские и другие славянские пираты. На кораблях, экипаж которых составлял более сорока человек, они плавали по Балтийскому морю в разных направлениях, достигая порой даже районов Северного моря».

Морскими разбойниками становились представители разных племен и народов – не столько из корысти, сколько по

бедности. Обычно это были разорившиеся рыбаки или торговцы, обездоленные крестьяне, беглые рабы или преступники. Из-за бесчинства варягов морская торговля на Балтике захирела, и пираты решили напасть на крупный город. Для этого собрали более семи сотен ладей, если верить исландскому летописцу.

Морские разбойники напали на богатый торговый город Конунгахалла на юге Норвегии 10 августа 1136 года. Руководил дерзкой операцией князь Ратибор. В ладьях у нападавших, как было принято у викингов, варягов, находились не только воины с оружием; некоторые имели лошадей. Это позволило, высадившись на берег, быстро ворваться на улицы города, жители которого не смогли организовать оборону. Запылали первые дома. Пользуясь паникой, захватчики убивали бегущих. Город сожгли, а многих жителей, сделав рабами, увезли с собой.

Но в истории северо-западных славян подобные набеги были не правилом, а исключением. В 1251 году послы Александра Невского, по Балтийскому морю прибыв в норвежскую столицу Нидар (Тронхейм), заключили мирный договор. Вообще, славяне, в отличие от германцев, предпочитали заниматься мирным трудом. Это подчеркнул немецкий мыслитель из Кенигсберга, историк, философ, лингвист, культуролог Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803): «Славяне никогда не были народом воинственным, искателями приключений, как немцы... По всему берегу Варяжского моря, начи-

ная от Любека, они построили морские города; Винета на острове Рюген была среди этих городов славянским Амстердамом».

Историк географии В.А. Маркин пишет: «В середине XIII века новгородцы основали на северном побережье Кольского полуострова селение Кола, а через семь десятилетий появился богатый монастырь в Печенге, занимавшийся торговлей рыбой и солью и даже строительством небольших морских судов.

Московский дьяк Григорий Истома, отправленный великим князем Иваном III послом в Данию, первым совершил путешествие вокруг северных берегов Скандинавского полуострова, двигаясь с востока на запад. „Мы перенесли свои суда и груз через перешеек в полмили шириной, потом проплыли в землю дикой лопи... Здесь, оставив лодьи, мы дальнейший путь проделали по суше, на санях“. Так Истома рассказывал о своем путешествии австрийскому послу в Москве Сигизмунду Гербенштейну. Лопари на оленьей упряжке доставили московского посла в город Берген, откуда он отправился к королевской столице на лошадях».

...В конце августа 1553 года английский корабль под командованием капитана Ричарда Ченслера в поисках северного пути в Китай и Индию вошел в устье Северной Двины. Царь Иван IV пригласил капитана в Москву. Поздней осенью из Холмогор через Вологду и Ярославль Ченслер направился в столицу.

Особенно поразил его путь из Ярославля до Москвы. Он писал: «Местность между ними тесно заполнена малыми деревнями, в которых так много людей, что удивительно видеть их; земля обильно родит зерно, которое они везут в Москву в таком количестве, что это приводит видящего в удивление. Вы встретите утром семь или восемь сотен саней, идущих туда и оттуда, некоторые из них везут зерно, другие – рыбу».

В 1555 году в Лондоне была организована торговая компания, получившая от правительства привилегию на торговлю с Архангельском. Еще раньше в Архангельске побывали голландские купцы. Конечно, этот город на Северной Двине нельзя назвать широко открытым окном в Европу. Но до основания Санкт-Петербурга от него проходил морской путь к странам Западной Европы – неблизкий, достаточно опасный, но приносящий выгоду торговцам.

Для жителей северо-западного региона России было важно наладить тесные торговые связи с богатыми западными странами. Этому препятствовали враждебные Швеция, Польша, Дания и немецкий Ливонский рыцарский орден, укрепившийся в юго-восточной части Прибалтики.

В мае 1558 года русские войска вошли в Ливонию и овладели Нарвой (древнерусский Ругодив) – крупным портом в устье реки Нарвы, впадающей в Финский залив. Некоторое время русские купцы смогли более или менее спокойно чувствовать себя на Балтике. Продолжалось это недолго. С юга

на Русь то и дело вторгались крымские татары, порой даже угрожая Москве. А в борьбе за господство на Балтике против России активно выступили Швеция и Польша с Литвой.

Иван Грозный, потерпев поражение в Ливонской войне, вынужден был отказаться от своих завоеваний. Доступ русским купцам в Балтийское море фактически был закрыт. У Северо-Западной Руси вновь остался лишь один путь в Атлантический океан – через Студеное (Баренцево) море.

«В конце XVI века в Холмогорах, – по словам писателя Г.П. Шторма, – появилась канатная фабрика, на которой работали английские мастера. В конце XVII века в Архангельске было уже 29 домов, принадлежавших иностранному купечеству. В порт ежегодно приходило около 40 торговых кораблей».

Тогда же в селе Вавчуга, недалеко от Холмогор, братья Баженины устроили механическую лесопильню по немецкому образцу. От царя они получили грамоту, разрешающую продавать пиленный лес в России и за морем. Затем в Вавчуге организовали верфь, парусные и канатные мастерские, выписав мастеров из Голландии.

Так далекая окраина России оказалась одним из наиболее активных и развитых регионов державы. Одно уже то, что здесь не было ни ордынского ига, ни крепостного права, способствовало становлению людей с высоким чувством собственного достоинства. Свободный человек имеет возможность наиболее полно проявлять свои способности.

С XVII века поморы стали осваивать далекую северную землю Грумант (Шпицберген). Нередко они уходили туда с зимовкой – на долгую полярную ночь. Там на необитаемых островах устраивали базы, охотясь на моржей, тюленей, белых медведей, оленей.

В 1743 году судно поморов потерпело крушение у берегов Груманта. Из 14 человек в живых остались штурман Алексей Химков и матросы Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин. У них было одно ружье и 12 патронов. Им суждено было прожить на острове 6 лет.

Эта заполярная «робинзонада» не идет ни в какое сравнение с теми трудностями, которые выпадали на долю оставшихся на тропических необитаемых островах. Одна лишь морозная полярная ночь – страшное испытание.

Патроны вскоре кончились. Оружие – копыя и стрелы, лук и рогатину – изготовили из деревьев и досок, выброшенных на берег. Тетивой служили жилы животных, одеждой – шкуры оленей, медведей, песцов. Обточенные гвозди из досок пошли на иглы. Из суглинка сделали котел...

Лишь один из них – Веригин – не выдержал: он был в унынии, не пил оленью кровь, заболел цингой и скончался. Остальных троих спасли земляки, случайно оказавшиеся близ острова. Этот случай показывает, какими сильными духом и телом, умелыми и смелыми были поморы.

Михаил Ломоносов был под стать таким незаурядным людям. Однако судьба человека выдающегося зависит не толь-

ко от его личных качеств и благоприятных обстоятельств, но и от особенностей его времени.

Выражение «Такие личности появляются один раз в столетие» – не более чем словесный оборот. Гениями не рождаются (об этом – в последней главе).

Появилась версия, будто Михаил Ломоносов был сыном Петра I. Мол, не мог же сын крестьянина получить высшее образование и стать академиком, да еще проявить свои выдающиеся способности. Ничего такого не произошло ни с одним другим крестьянином, несмотря на то, что они составляли подавляющее, хотя и подавленное крепостничеством большинство населения России.

(Кстати, есть не менее странный слух, что незаконнорожденным сыном Пржевальского был Иосиф Джугашвили; поэтому родной отец его не любил и порой поколачивал, а русская культура была Сталину близка.)

Царь Петр Великий посещал верфь в Вавчуге, недалеко от Холмогор. Но на Курострове он не бывал и дом Василия Дорофеевича, отца Михаила, не посещал. Наивно предполагать, будто замужняя женщина, да еще строгих поморских нравов, могла какими-то неведомыми путями угодить в постель к царю, да так, что об этом никто не узнал.

«Царственное» происхождение Михаила Ломоносова стали всерьез обосновывать и обсуждать в эпоху «перестройки и реформ». Вдруг повсюду стали восхвалять дворян и царей как «цвет нации». Показательный факт деградации об-

щественного сознания и пример затмения умов в смутные времена! Каждая эпоха определяет основные направления общественной мысли.

Неужели великие мыслители, ученые, писатели возникали главным образом в самых знатных родах? Законный сын Петра Великого не отличался талантами. А граф Лев Толстой и князь Петр Кропоткин порвали с той средой, которая при самых благоприятных условиях воспитания и образования штампует посредственности. Незаурядная личность не приспособливается к социальной среде, а преодолевает ее давление.

Говорят: «Человек, опередивший свое время». Это означает, что он, оставаясь представителем данной эпохи, не приспособливался к ней, а был устремлен в Неведомое. Творческие натуры существуют в любую эпоху. Они определяют пути дальнейшего развития общества, культуры, идей.

Любые наследственные задатки требуют развития. Личностями не рождаются, а становятся по мере взросления, воспитания и образования.

Эпоха и личность

Понять явление Ломоносова помогает общее представление о смене эпох в общественном сознании. В нем совместились черты личности сразу трех эпох: Возрождения, Просвещения и Нового времени. Объясняется это особенностями истории нашей страны.

Реформы Петра I в России были революционными преобразованиями, определившими переход к эпохе Возрождения и Просвещения почти одновременно, а также начало индустриализации. В Западной Европе такой период занял два-три столетия, а на Руси – несколько десятилетий.

С чем привычно соотносится эпоха Возрождения? С расцветом искусств, литературы, философии; с именами Леонардо да Винчи, Микеланджело, Дюрера, Боттичелли, Боккаччо, Петрарки, Джордано Бруно, Шекспира... Подчас Возрождение преподносят как светлую зарю, осветившую тысячелетний сумрак Средневековья.

Но рассвет Нового времени в Западной Европе был высвечен багровыми отсветами костров инквизиции, пожаром религиозных войн. Именно теперь стали бестрепетно сжигать десятки, сотни еретиков и десятки тысяч язычников, колдунов, ведьм. Но появились и великие творцы – в искусстве, философии, науках.

Это был героический период Европы. Ярko проявили се-

бя мятущийся дух человека, его творческие устремления. На Руси столь бурного завершения Средневековья не было. Сказывалось подавляющее господство религиозного мировоззрения при робких философских исканиях, которые строго, а порой и жестоко пресекались Церковью.

Принято считать XI–XV века классическим европейским Средневековьем, когда окончательно сформировался и отчасти достиг совершенства феодализм. Далее XVII века происходили его разложение и формирование капиталистического способа производства.

Таков политико-экономический взгляд на историю, не лишенный упрощений. Ведь смена исторических эпох не происходит одновременно в разных странах, подобно календарным датам или затмениям Луны. В жизни каждого из нас тоже происходят смены состояний физического и психического – и не у всех же одновременно.

Предтечей литературы Нового времени стал Данте, философии – Николай Кузанский, астрономии – Николай Коперник, первооткрывателей – Колумб. Каждый из них был сыном своей эпохи. Их объединяли устремленность в Неведомое, активная творческая энергия.

Чем же благоприятствовала историческая обстановка европейского Возрождения расцвету духовной культуры? Многие из славных сынов этого времени претерпели страдания, нищету, гонения; томились в тюрьмах или даже были казнены. Им приходилось поступать на службу к феодалам,

богатым вельможам, церковным иерархам. Те, кого мы величаем титанами, совершали свои творческие подвиги подобно Геркулесу, вынужденному служить подленькому мелкому тирану.

Этим людям приходилось нелегко. Нередко им грозила смерть. Только учтем: благоприятствует великим открытиям и прозрениям не благоденствие, не сытое и спокойное существование, а яркая и напряженная общественная жизнь, духовная неудовлетворенность, устремленность к новому, лучшему, более совершенному и прекрасному.

Но почему вдруг людям стал тесен более или менее уютный и устойчивый мир Средневековья? Почему пробудились мощные творческие силы? Был ли это действительно возврат к славной и светлой Античности?

Возврата к прошлому не было, если не считать некоторые черты подражания Античности в архитектурном стиле, в скульптуре, живописи, литературных произведениях. Смысл переходной эпохи иной. Его подготовила материальная и духовная культура Средних веков. В Европе реализовались три великих изобретения, в значительной мере изменившие ход ее истории: порох, компас, книгопечатание.

Лаборатории алхимиков и мастерские ремесленников стали очагами, где формировалась техника будущего. Сложные механизмы использовались в водяных и ветряных мельницах, на шахтных разработках, в производстве часов. Новая техника содействовала зарождению индустрии, дальним

плаванием, открытию и захвату, а также изучению неведомых земель. В Средние века возникли в Европе университеты, которые стали центрами философской и научной мысли, просвещения.

Естествознание находилось в зачаточном состоянии. В нем не ощущалось особой нужды. Средневековый человек чувствовал свое единство со всеми тварями земными, с окружающим миром. В природе он искал и находил нечто необыкновенное. Многообразные явления и существа представлялись воплощением замыслов Высшего Разума. За видимым миром чудился незримый, бесконечно сложный и прекрасный.

Средневековые мыслители воспринимали природу как тайнопись, как сочетание загадочных символов и знаков, данных человеку свыше. По этим приметам и знамениям пытались прояснить законы общества и природы, предугадывать политические события или катастрофические явления – эпидемии, неурожай, землетрясения и многое другое.

Все это с позиций современной науки – предрассудки и заблуждения. Но есть у них и важный подтекст. Они предполагают, что человек способен постигать высшую мудрость через ее проявления в природе, способен открывать законы бытия. И пусть алхимик, производя свои опыты, верил в волшебную возможность превращать в золото простые металлы или сотворить эликсир бессмертия. Это помогало обнаруживать новые качества веществ, связи между элементами

и синтезировать полезные соединения.

Избрав в качестве авторитета Аристотеля, схоласты поступили мудро: многие идеи великого философа глубоки и плодотворны, например его система логики. Правда, любые идеи, превращенные в догму, быстро каменеют и мешают развитию мысли.

Убедительным свидетельством серьезных социальных и духовных перемен в XVII веке стали первые буржуазные революции в Нидерландах и Англии. Другая характерная черта – создание научных организаций. Во второй половине XVII века были учреждены Лондонское Королевское общество и Парижская академия естественных наук.

Развитие промышленности, мануфактур, оснащенных механическими устройствами, вызвало настоятельную потребность в развитии теоретических основ механики; складывались физико-математические, химические и технические науки. Все это свидетельствовало о становлении «века разума», сменившего «век веры» (если пользоваться терминологией немецкого историка Д. Дрэпера). Уже прошла первая волна Великих географических открытий и началась эксплуатация колоний.

Характерная примета времени – триумф механики и механистического мировоззрения. Еще великий философ Возрождения епископ Николай Кузанский называл Мироздание мировой машиной, но при этом верил в присутствие во Вселенной души и божественного разума. А один из первых

президентов Лондонского Королевского общества, Роберт Бойль, считал мир только космическим механизмом.

Исаак Ньютон был такого же мнения, хотя верил в Бога и даже сослался на Него в своих знаменитых «Математических началах натуральной философии» (1687). Но уже само название работы показывает, что речь идет о механистическом мировоззрении.

У Михаила Ломоносова отношение к системе Мироздания было иным. И это было связано с традицией эпох Средневековья и Возрождения, а также с благоговением перед природой, столь характерным для верований, считающихся в христианстве языческими. Такой народный поэтический взгляд на природу воспринял Михаил Ломоносов с юных лет.

«Наблюдения над жизнью Ледовитого океана, – писал В.И. Вернадский, – сделанные в свободной среде, далекой от научных предрассудков и схем, среди свыкшихся с морем и его мощью наблюдательных и энергичных русских моряков, накопивших опыт поколений, позволил Ломоносову понять в строении суши отражение бывшей на ее месте морской жизни. Вопросы геологии предстали перед ним в живой связи с окружающей его живой природой».

И не только – вопросы геологии. Ломоносов воспринимал мир как единый организм, где все соединено непостижимыми во всей своей полноте взаимосвязями, которые человек стремится постичь. Законы небесной механики – формаль-

ные модели Мироздания – его мало интересовали.

Звездная бездна со всем ее великолепием и грандиозностью остается для человека лишь частью его родной земной природы. Таково средневековое мировоззрение, в центре которого человек на Земле.

В отличие от ученых западноевропейского Просвещения Ломоносов совместил традиционный, земной, сугубо человеческий взгляд на Вселенную с новым представлением о нашей планете как песчинке в космическом вихре звездных миров.

...Эпоха Возрождения знаменовала расцвет поэзии, живописи, ваяния и зодчества, острую борьбу за свободу мысли от оков религиозных догм, а также зарождение промышленного производства. В это время впервые за долгие Средние века ярко проявилась индивидуальность в культуре, интеллектуальной сфере.

Раскрепощение человеческой личности, духовная свобода и творческие дерзания титанов Возрождения стали предпосылками для поисков научной истины. По словам советского историка философии А.Х. Горфункеля, «новое отношение к человеческой личности в культуре гуманизма теснейшим образом связано с новым пониманием природы». Началось формирование человека «многостороннего, свободного, не скованного властью догм и традиций, с развитым чувством собственного достоинства».

Это в полной мере относится к Ломоносову.

Но для того, чтобы он стал выдающимся поэтом, ученым, просветителем, одних только его личных качеств было слишком мало. В России первой половины XVIII века, помимо феодальной закрепощенности сословий, сказывалось засилье иностранцев. Оно стало невыносимым при императрице-немке Анне Иоанновне (1730–1740) и ее фаворите Бироне.

«На ключевых постах в органах власти и управления, – писал советский историк М.Т. Белявский, – находилась целая группа иноземных, в первую очередь немецких, дворян, сплотившихся вокруг Бирона. По меткому выражению В.О. Ключевского, они „посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении“. Армию возглавил фельдмаршал Миних, Коллегию иностранных дел – Остерман, уральские заводы – Шемберг, Академию наук – Шумахер, двор и гвардию – братья Левенвольде. Эта придворная клика, безжалостно грабившая русский народ и государственную казну, проводила антинациональную политику да еще рядилась в тогу благодетелей и „просветителей“ России. Не случайно именно в это время выдвигается и пропагандируется норманнская теория происхождения Русского государства».

Против этой теории суждено было выступить Ломоносову. Но не бывать бы ему в Академии, если бы к этому времени не произошли дворцовые перевороты, в результате кото-

рых на престол взошла дочь Петра Великого Елизавета, царствовавшая с 1741 по 1761 год. Русские вельможи избавились от бироновщины и стали во многом определять внутреннюю и внешнюю политику страны, а также поддерживать своих соотечественников.

Без этих изменений в обществе не свершилось бы явление Ломоносова. Какими бы талантами ни был одарен человек, на его судьбе непреодолимо сказываются особенности эпохи.

Но разве не был Петр Великий, сам того не зная, крестным отцом Михаила Васильевича Ломоносова?

Внимательно изучавший историю академической науки в России Владимир Иванович Вернадский отметил: «Для России чрезвычайно характерно, что научная работа в течение всего XVIII и почти вся в XIX в. была связана прямо или косвенно с государственной организацией... Более обеспеченные массы населения – православное духовенство и помещичье дворянство – почти совершенно не участвовали в этом национальном деле. В традиции православного духовенства никогда не входило исполнение этой задачи; в этом оно резко отличалось от духовенства католического или протестантского, среди которого никогда не иссякала естественнонаучная творческая мысль».

И еще: «В истории научной работы в России, – писал он, – подымается при самом начале личность царя Петра. Он не сделал научных открытий... Но Петр принадлежит истории

науки потому, что он положил прочное начало научной творческой работе нашего общества.

Он действовал здесь как организатор и инициатор научных изысканий, не только давая средства для работы, но и ставя для решения определенные задания. В то же самое время он создавал в нашей стране своей политической деятельностью орудия и возможность научного творчества».

Для развития науки в России важную роль сыграл не только Петр I (член Парижской академии наук с 1717 года), но и крупный церковный и политический деятель Феофан Прокопович. Но если о Петре Великом литература огромна, то Феофан остается фигурой как бы дальнего плана. А он во многом определил черты эпохи Просвещения в России.

Феофан создал первый в России кружок интеллектуалов – «Ученую дружину», – призванный продолжать дело просвещения в России, начатое Петром Великим. Сюда входили, в частности, Яков Брюс, Антиох Кантемир, Василий Татищев (с ними нам еще предстоит познакомиться).

При возведении на престол в Москве Анны Иоанновны у российского правящего класса был выбор между самодержавием и конституционной монархией. Обсуждались разные варианты. Князь Дмитрий Голицын предложил проект первой русской конституции: правит Верховный тайный совет из представителей высшей знати, где императрица имеет два голоса.

«Жалостное везде по городу видение стало и слышание, –

писал Феофан, — куда не придешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышать, как только горестное нареkanie на осьмилличных оных затейщиков» (то есть на 8 членов Тайного совета). Ибо движет этими людьми «необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». Это грозит России раздором и бедствиями.

На торжественном собрании было оглашено письмо Анны об отказе от самодержавной власти. Казалось, дело Феофана проиграно. Он писал: «И сами те, кто вчера великой от сего собрания пользы надеялся, опустили уши, как бедные ослики».

И все-таки благодаря уму и активности Феофана в конце концов установилось самодержавие. Он выступал за просвещенную монархию, где правитель подобен отцу в семье. Хотя установилось деспотическое непросвещенное самодержавие при господстве иноземцев. Только позже, при Екатерине II, идея Феофана восторжествовала (народу русскому от этого легче не стало).

Какое все это имеет отношение к судьбе и творчеству Ломоносова? Самое непосредственное. Феофан стал его первым покровителем и был его философским предтечей. Об этом свидетельствует, в частности, сопоставление двух текстов.

Феофан Прокопович: «Материю нельзя ни создать, ни разрушить, ни увеличить, ни уменьшить, и какой и в каком количестве она создана, такую остается до сих пор и будет

оставаться всегда».

Михаил Ломоносов: «Все перемены в натуре случающиеся, такого суть состояния, что сколько чего у одного тела отнимется, столько присовокупится к другому».

У этих сходных высказываний есть и существенное различие. Первое – философское предположение, основанное на общих соображениях, отчасти даже религиозных. Второе – вывод, полученный в результате опытов, доказанный методом науки. Но в том-то и дело, что почти всегда философская мысль предваряет научные достижения.

Предтеча-философ

Идеи Просвещения пришли в Россию с Запада. Они затрагивали только малую часть российских дворян; для многих из них понятие Отечества было связано с империей, государственным устройством, но не с народом русским. Между образованным дворянством и народом по мере успехов просвещения все резче становился контраст в духовной сфере.

Большинство дворян не интересовалось науками, философией (хотя, конечно же, кое-кто читал труды французских и английских просветителей). По традиции познание тайн бытия было привилегией просвещенных священнослужителей, к числу которых относился Феофан Прокопович. Он, как позже Ломоносов, из социальных низов поднялся до интеллектуальных вершин своего времени.

Феофан – личность загадочная. Неизвестны дата его рождения (между 1677 и 1681 годами) и фамилия. Он нигде о них не упомянул. Предполагается, что его родители приехали в Киев из Смоленска; отец был мелким торговцем и умер вскоре после рождения сына. Но разве по этой причине человек станет скрывать отчество и фамилию? Возможно, он помнил побои пьяного родителя или то, что он забросил семью.

Ребенок жил в нужде. Матери лишился в семь лет. Умел

выпросить или подзаработать грошик. Жил он на Подоле, где преобладали ремесленники, служивые, голытьба. Взял к себе сироту старший брат матери – Феофан Прокопович – монах Киево-Печерской лавры, преподаватель в духовной коллегии. Юный послушник не знал усталости ни в молитвах, ни в учебе. Дядя представил его митрополиту Варлааму, брал на ученые диспуты. Феофан (старший) через четыре года умер. Юношу приняли в Киево-Могилянскую духовную коллегию.

Основал ее митрополит Петр Могила, получивший образование в Париже, в Сорбоннском университете. Он старался, чтобы православных церковнослужителей обучали не хуже, чем в иезуитских академиях. Нравы в коллегии были суровые: за плохое старание в науках страдала не столько голова, сколько противоположная часть тела, нещадно стегаемая розгами. За победу в умственном состязании полагалась награда. По примеру средневековой Западной Европы диспуты в коллегии проходили торжественно, как рыцарские турниры.

Племянник Феофана Прокоповича и после завершения учебы не мог считать себя знатоком наук. В Западной Европе изучали труды Ньютона и Лейбница. До Руси новые веяния доходили через монахов, обучавшихся у иезуитов. Приходилось притворно переходить в католичество, поступать в иезуитские академии, а вернувшись на родину и покаявшись, возвращаться в лоно Православной церкви.

Семнадцатилетний Прокопович прошел Польшу, Германию, Австрию, преодолел Альпы и добрался до Рима. Под именем Самуила Церейского в 1698 году поступил в римскую коллегию Святого Афанасия. Учился успешно, был допущен в секретные фонды Ватиканской библиотеки. Ему прочили блестящую карьеру. Через три года он тайно бежал из Рима. После скитаний по Западной Европе пришел в Россию и постригся в монахи.

Он преподавал поэтику, риторику, философию и теологию в Киевской духовной академии. Если библейский текст противоречил выводам науки, отдавал предпочтение объективным знаниям: «Там, где уже приобретены знания, человеческая вера не имеет места». Ему покровительствовал Петр I. Феофан стал его советником и помощником в делах просвещения и подчинения Церкви государству.

Феофан организовал «Ученую дружину», где обсуждались вопросы культуры, экономики, общественной жизни; обосновывал установление в России просвещенного самодержавия при укреплении крепостного права и подавлении политических противников («Слово о власти и чести царской», «Правда воли монаршей»). Он отвергал предрассудки (даже относящиеся к мощам святых), говоря, что отсутствие «света учения» содействует «многим смеха достойным суевериям». Люди, веря в чудеса, доверяют сказкам плутов и лжецов, не умея отличить правду от выдумки.

Законы природы и познания он считал непреложными:

никакое чудо не может свершиться вопреки им. Признавал идею множественности обитаемых миров, а оппонентам-богословам ответил: кто отрицает такую возможность, тот сомневается во всемогуществе Божиим. По его словам: «В природе существует и живет Бог» (не пантеизм ли это?).

Противоречили легенде о Всемирном потопе взгляды Феофана на геологические процессы, отвечавшие передовым научным достижениям той эпохи: «С течением времени возникло множество новых гор, многие из них превратились в равнину. Это происходит обычно определенным способом, действием силы вод, которые вымывают внутренние соли и поднимают горы, а другие сносят, нажимая на них, а также действием силы ветров, движений земли и иных». И тут Прокорович выступил как прямой предшественник Ломоносова.

Резко критиковали демократы «Духовный регламент», составленный Феофаном. По словам протоиерея Георгия Флоровского, этот «регламент» лишил Церковь независимости, «ибо государство чувствует и считает себя абсолютным. Именно в этом и состоит замысел того „полицейского государства“, которое заводит и утверждает в России Петр».

Церкви определялась роль департамента по делам религии, подчиненного верховной власти. Ослабление влияния Церкви на жизнь общества вряд ли создавало «полицейское государство». И почему речь идет только о России? Будто в других странах власть не основывалась (да и ныне так) на подавлении внутренних врагов.

Нередко Церковь усугубляла репрессии, как это ярко – в свете костров инквизиции! – видно на примере Западной Европы. При всех жестокостях, а то и самодурстве некоторых установлений Петра I быстрый подъем русской науки, философии, культуры в целом доказал верность избранного Феофаном пути. Без этого не было бы на Руси такого великого явления, как творчество Ломоносова, да и общий ход развития науки был бы чрезвычайно замедлен.

Завершилось средневековое господство религиозной мысли. В обществе все более важную роль стали играть наука, техника, образование. Хотя философия оставалась в загоне: государство не было заинтересовано в «вольномудстве», которое, как представлялось власть имущим, содействует бунтовщикам.

Взгляды Феофана Прокоповича отличались свободомыслием. Каким он представлял себе Бога? «Есть некая невидимая всемогущая сила, ее же Богом называем». В других случаях Всевышний у него предстает как совершеннейший разум, вечная истина, первопричина бытия или даже как порядок природы, неотделимый от нее.

Порой Феофан определенно говорит: «Под природой понимают самого Бога». «Полное определение природы совпадает с Богом относительно природных вещей, в которых Он с необходимостью существует и которые Он движет». По-видимому, материальную природу философ понимал как тело (по примеру человеческого), а Бога – как душу этого тела,

определяющую его энергию, жизнь...

Идея Бога у него толкуется в зависимости от контекста и авторской задачи. Одно бесспорно: он не считал разумным отказ от этой идеи. То, что к этому он пришел путем сомнений, говорит его «Рассуждение о безбожии», где обсуждаются шесть разновидностей атеизма, в том числе пантеизм Спинозы. Сам факт изложения атеистических учений подчеркивает свободомыслие Феофана, а их классификация свидетельствует о том, что подход к проблеме бытия или небытия Бога у него был философский.

Он полагал, что материя во Вселенной одинакова. Постоянно идет «взаимный переход подлунных тел», круговорот веществ. Считал смешной и абсурдной идею Платона о Вселенной как живом организме. В этом Феофан был материалистом. Ведь у Платона косный материальный мир одушевлен духом – Богом (Космос – мегачеловек). Но если Мироздание не обладает признаками жизни, то в нем не остается места для Вселенского Разума. Так Феофан Прокопович сближался с атеистами, чем подтверждал справедливость тех, кто обвинял его в ереси.

Интересны догадки Прокоповича, относящиеся к делению корпускул, атомов. «Все... тела равно состоят из бесконечно делимых телец». Он переходит от физики к математике, демонстрируя парадокс бесконечно малых величин: если бы два ангела стали делить на бесконечно малые части один – земной шар, а другой – маковое зернышко, то второй не

завершил бы свою работу раньше, чем первый.

Воззрения Феофана Прокоповича были созвучны переходному периоду в духовном развитии России: избавление от господства богословия. Происходило стремительное изменение структуры духовной культуры, где на равных присутствовали наука, религия, философия, открывая новые горизонты для интеллектуальных дерзаний.

Доминиканский монах Рибейра, встречавшийся с Феофаном, особо подчеркнул его роль как просветителя: «Науки в России вообще не процветают, впрочем, я знаю несколько человек отступников, воспитанных для России католическими школами. Между ними первое место занимает Феофан... Он первенствующий член Синода, при дворе имеет едва ли не решающее влияние... он искусный церковный администратор, хотя я заметил, что духовенство его скорее боится, чем любит. Он устроил в своем доме замечательную школу для юношества. В храме он важен, в алтаре внушает к себе почтение, в проповеди красноречив, в беседе о божественных и мирских предметах учен и изящен; он одинаково хорошо владеет греческим, латинским и славянским языками; в домашней жизни он великолепен... Если его следует порицать за что-либо, так это за его религиозные убеждения, если он их вообще имеет. Его библиотека, открытая для ученых, значительно превосходит императорскую библиотеку Троицкого монастыря; по своему богатству она не имеет равных в России, стране бедной книгами».

Взгляды Феофана на природу, познание, бытие Бога были созвучны философским убеждениям Михаила Ломоносова. Подобны они в то же время взглядам Джордано Бруно (черты пантеизма и деизма, идея множества обитаемых миров, круговоротов материи и т. д.); даже оба они в молодости написали комедии, высмеивающие суеверов и нечестивых церковников. Избежать трагической судьбы Прокоповичу удалось благодаря умению приспособливаться к изменчивой политической ситуации.

Ему довелось однажды встретиться с молодым Ломоносовым в роковой для того поворот в судьбе. Феофан спас этого ученика Спасских школ от репрессий, открыв ему путь в науку (об этом – позже). У них было немало общего в главном – отношении к познанию Мира и человека.

Одно замечание Феофана имеет прямое отношение к спорам о наиболее рациональном правлении в России. По его убеждению: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетельством храним быть может». Подобное мнение можно услышать и от некоторых более или менее авторитетных историков, социологов, публицистов. Ссылаются на успехи нашей страны при царской власти, в эпоху правления Сталина и ее бесславное расчленение и упадок при «демократах».

На первый взгляд исторический опыт подтверждает мысль Феофана. Но следует иметь в виду, при каких обстоятельствах, в какую эпоху и с какой целью он это написал. Он

опасался, что среди олигархов Верховного тайного совета рано или поздно начнутся распри, что грозит сильным ослаблением государственной власти, а то и распадом державы на отдельные вотчины.

В русском народе, состоявшем почти исключительно из крестьян, имевших в лучшем случае начальное образование, авторитет царя как самодержца милостью Божьей поддерживала Православная церковь. Такова была традиция Средневековья, а вовсе не природная особенность русских. Ограничение этой власти могло вызвать народные волнения. Возможно, и это имел в виду Феофан.

Смена формы правления – революционное деяние, чреватое обострением социальных противоречий, активной борьбой за власть разных групп и партий, междоусобицей. Это можно было видеть на примере английской революции. Но там ограничение королевской власти было оправдано появлением и укреплением нового третьего класса – торговцев, промышленников, банкиров (буржуазии). В Российской империи этот социальный слой был слаб. В стране вместо одного верховного правителя появилось бы несколько – только и всего. Стоит ли ради этого расшатывать вековые устои общества?

Суждение Феофана следует рассматривать в контексте данной эпохи с ее социально-экономическими и духовными особенностями. Ссылка на особенности национального характера неубедительна. Возможно, Феофан просто выска-

зался в духе своего времени, чтобы быть понятым. Другое дело – географические особенности Российской империи. Огромная территория, в основном слабо освоенная, с местными особенностями природы и населения, местными владыками, множеством крупных и мелких хозяйств...

Чтобы весь этот пестрый и рыхлый конгломерат не распался на части, требуется единая воля самодержца. В особенности когда есть угроза со стороны соседних государств.

Вот и Ломоносов в своих одах прославлял – не по заказу, а по убеждению – великих русских самодержцев: Иоанна IV, Петра I, Екатерину II. Он прекрасно сознавал, как опасен для России разброд и раздор, местничество олигархов.

Детство помора

Общая обстановка в Европе и России времен Ломоносова безусловно сказалась на его судьбе. Но все-таки основы его ума и характера сформировались, как у любого из нас, в детстве.

Куростров, где находились владения его отца, автор конца XIX века А.И. Львович-Кострица описывал так: «Неприглядную и суровую картину представляет собою родина нашего великого ученого и поэта Михаила Васильевича Ломоносова...

Куростров не представляет собою ничего заманчивого для всякого поверхностного наблюдателя. Это довольно большой, но низменный остров, и в половодье он едва не затопляется разливом Двины; всюду разбросаны низенькие болотистые кочки и невысокие холмы, сверху донизу затянутые мхом; между ними лежат, словно погруженные в вечную дремоту, непросыхающие болотины с грязной водой; ни леса, ни рощи не видно на всем протяжении острова, только кое-где торчит жалкая, искривленная, точно больная береза, да по береговой окраине растет непрерывный и чахлый ивняк, в какой-то грусти склонившийся над плавно движущимися водами реки».

Унылая картина! Немудрено, что еще отроком Михаил Ломоносов должен был только и мечтать, как бы поскорей

вырваться отсюда...

Однако нигде в его трудах и письмах нет сетований на убогость родных мест. Упоминает необразованность отца и злость мачехи, вот и все. По всей вероятности, в его время Куростров был иным. Первое упоминание о нем содержится в грамоте 1397 года. Тогда его почти сплошь покрывали леса. Его освоение сопровождалось вырубкой лесов и осушением болот.

Более точную характеристику дал Г.П. Шторм: «Северная Двина была в то время глубокой и многоводной. По высоким ее берегам стояли нетронутые хвойные чащи, а низины кипели от буйного чернолесья. В том краю тогда еще не знали сыпучих песков, и морские суда свободно проходили по рукавам Двины до селения Вавчуги».

Есть и объяснение произошедшим изменениям. Во второй половине XIX века выдающимися естествоиспытателями В.В. Докучаевым и А.И. Воейковым было доказано, что обмеление многих российских рек, так же как сильные наводнения, вызваны рубкой лесов в речных долинах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.